

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

РУНЫ
и
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

Перевод и предисловие В. ВСЕЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК 1946

ПРЕДИСЛОВИЕ

После победоносного для советского народа завершения второй мировой войны полезно взглянуть, каким образом на протяжении многих столетий тематика войны отразилась в устной народной поэзии, образцами которой и являются предлагаемые вниманию читателя варианты рун и исторических песен карело-финского народа.

Варианты рун и исторических песен естественно дают более обширный исторический материал, чем руны, представленные в карело-финском эпосе — „Калевала“. Песни, в которых имена героев „Калевалы“ связываются с отдельными событиями из истории, остались большей частью не использованными финским поэтом и ученым Э. Левротом в „Калевале“ — этом замечательном памятнике мировой литературы.

Между тем знаменательные даты истории северо-восточной Европы, отражавшиеся в рунах, памяты не только для русского, но и для карельского народа, являясь свидетельством их многовековой дружбы. А поскольку карело-финские эпические песни, подобно фольклору других народов, являются историей, своеобразно рассказанной самим народом, в которой оценка событий часто верна, постольку варианты рун „Калевалы“ и карельских исторических песен могут представлять для русского читателя определенный культурно-познавательный интерес.

В связи с этим не случайно объединение в один сборник таких, казалось бы, разных жанров фольклора, как исторические и эпические песни-руны, между которыми на самом деле существует неразрывная генетическая связь. Поэтика этих двух жанров карело-финского эпоса идентична. В них встречаются одинаковые поэтические образы. Исторические и мнимоисторические события изображаются здесь в гармоническом сочетании, несколько не снижая значения вариантов рун „Калевалы“, как источника познания героического прошлого народов северо-западных окраин нашей Родины.

От эпоса первобытно-общинного строя до народных песен о борьбе за лучшее будущее, отразивших в себе историю классового общества, — таков диапазон образов эпического творчества, публикуемых в предлагаемом читателю сборнике. Размещая руны и исторические песни в определенной последовательности, составитель сборника стремился показать стадиальность их возникновения и переосмысления.

В сборник вошли далеко не все сюжеты карело-финских эпических песен-рун.

Тема войны против иноземных захватчиков, как и тема дружбы народов и их общественной жизни, наиболее полноценно представлена в избранных нами произведениях устной народной поэзии, при объективном изучении которых становится очевидной живость и политическая тенденциозность утверждений известного финского историка Я. Яккола о том, что у карело-финского эпоса будто бы "нет никакой даже элементарной общности со славянской культурой". *

Объективно-научное исследование карело-финских рун и исторических песен неизбежно приводит к мысли о том, что эти произведения, являющиеся своеобразным зеркалом пережитых народом исторических эпох, свидетельствуют о глубокой древности финско-славянских культурных связей, которые нашли своеобразное отражение даже в фольклорном образе Сампо, как утверждал Э. Ленрот в своем письме от 2 января 1849 г., адресованном академику Гроту и ныне хранящемся в Институте истории, языка и литературы Карело-финской базы Академии Наук СССР.

В карело-финских эпических песнях, имеющих много общих мотивов с русским былинным эпосом, можно черпать интересные данные о существовании дружественных финско-славянских отношений уже на заре древнерусской государственности. Отражая, главным образом, явления родового, первобытно-общинного строя, варианты рун Калевалы восприняли множество наслоений более позднего времени.

Устно переходившие из поколения в поколение старинные карело-финские народные песни, публикуемые в нашем сборнике, своеобразно откликаются на славные победы русского оружия над немецкими рыцарями в 1241-42 г.г., в 1253-54 г.г., когда народы Новгородской Руси, в том числе и карелы, на льду Чудского озера, под крепостью Копорье и на реке Нарове на голову разбили войска захватчиков — крестоносцев. Участие карел в последующих походах русских войск против немецких захватчиков лишь закрепило в произведениях устной народной поэзии воспоминания об этих событиях.

Случаи упоминания немцев, "немецких проливов", немецкого серебра и т. п. не единичны в вариантах рун. Мотив о немецком серебре, по мнению финского фольклориста К. Крона, появляется в руне о состязании Вейнемейнена и Евкахайнена в качестве заимствования из карельской исторической песни об осаде Выборга царем Иваном. ** Однако одновременное появление этого мотива и в рунах, и в исторических песнях говорит прежде всего о том, что

в сознании творцов карело-финских рун герой Калевалы Вейнемейнен относится к немецкому серебру с таким же презрением, как и русские цари Иван Грозный и Петр Первый.

Впрочем, такое отношение ко всему немецкому не исключает использования немецких товаров, попадавших в качестве военной добычи героям рун от купцов Ганзейского союза.

На протяжении своей многовековой истории карело-финское население Карельского перешейка и Ингерманландии не раз подвергалось грабжам и насилию со стороны немецких рыцарей, купцов Ганзейского союза и "свейских немцев" — шведов. Неудивительно, если олицетворяющие карело-финский народ герои Калевалы — Лемминкяйнен, Куллерво, сын Калервы, проявляют свои воинственные настроения на немецких проливах, против немецкого рыцаря из Риги и т. п.

Борьба за Карельский перешеек против "свейских немцев" — шведов также отразилась в вариантах карело-финских рун и исторических песен.

Если ряд исторических источников говорит о восстаниях крестьян Карельского перешейка против шведских феодалов, что произошло в 1557 году русским войскам значительно углубиться в Финляндию и осадить крепость Выборг, то смутное воспоминание об участии карел в подобных походах к Выборгу сохранилось и в ряде вариантов рун, где карелы изображены в лице Куллерво, сына Калервы.

Однако в большинстве случаев карельская историческая песня об осаде Выборга связывается с именами русских царей Ивана Грозного и Петра Первого, дружественное отношение к которым своеобразно отразилось во многих вариантах этой песни. Сочными красками художественного фольклорного произведения изображается помощь, оказанная царю Петру героем Калевалы — кузнецом Илмариненом. И в самом деле, занятие Выборга в 1710 году было осуществлено русскими войсками при поддержке местного населения. В частности, о помощи местных жителей русской разведке Петр Первый писал в своих письмах адмиралу Ф. Головину.

Свой отклик в отдельных переосмыслившихся вариантах рун нашли также такие исторические события, как Отечественная война 1812 года. В нашем сборнике публикуются фрагменты рун Калевалы с традиционным сюжетом о вражде Унтамо и Калервы и мести Куллерво, сына Калервы, но вместо первого выступает Бонапарт, на войну с которым зовет рожок пастуха. На базе этих фрагментов возникли варианты исторической песни об Отечественной войне 1812 года.

Победивший в 1917 году социалистический строй дал в нашей стране новое, более широкое, развитие той тяге к героическому, которая присуща и карело-финскому народу. Героика гражданской войны уже нашла свое отражение в карельских народных эпических песнях — новообразованиях. Согласно одной из этих песен,

* J. Jaakkola. Suomen itäkäsytymys, Helsinki, 1942, стр. 56.

** K. Krohn. Kalevalan runojen historia, Helsinki, 1903, стр. 372

великого Сталина на Царицынский фронт в числе прочих героев сопровождает также и вековечный кузнец Илмаринен, в горниле которого, судя по другой песне, куются железные кони—трактора. Наконец, в рамках традиционных лиро-эпических песен воспеваются карельскими сказителями и славные подвиги воинов нашей Красной Армии на фронтах Отечественной войны с немецкими захватчиками. Грамотный карельский сказитель — красноармеец Минин складывает в 1944 году новую песню о Сампо, в которой выражает уверенность в том, что кузнец народный быстро восстановит Сампо, подвергнутое разрушению немецкими захватчиками.

* * *

Несколько замечаний о художественном значении публикуемых в сборнике вариантов рун и об их переводах. Эти варианты значительно более лаконичны, чем руны „Калевалы“ в литературной обработке Ленрота. Сюжет в них более динамичен, текст вариантов рун не загроможден длинными заговорной и обрядовой поэзии, обильно представленной в „Калевале“. С другой стороны варианты рун не всегда выдерживаются в парных стихах, что местами создает впечатление прозаичности текста рун.

Почти все варианты рун, использованные в предлагаемом вниманию читателя сборнике, даются полностью, без изменений, и лишь в некоторых случаях допускаются сокращения несущественных и художественно неполноценных вариантов рун.

Точность перевода, адекватность его оригиналу являлась основной задачей, стоявшей перед составителем сборника. При переводе рун стихотворный размер четырехстопного хорей сильно связывал переводчика. Несмотря на стремление быть максимально близким к оригиналу, приходилось иногда синонимически заменять слово, не укладывающееся в стих, или опустить какое-нибудь неважное слово, конечно, без ущерба содержанию руны. Передача аллитерации, почти невозможная в русском переводе, ни к чему не привела бы и поэтому, как правило, осталась в данном сборнике не осуществленной.

Ограниченность листажа не позволила использовать в сборнике все многообразие сюжетов карело-финских рун и исторических песен, но составитель сборника надеется, что и в таком виде сборник представит интерес для советского читателя.

В БОРЬБЕ ЗА СТАРОЕ САМПО.

Хитроумный Лемминкяйнен
и красивый сын Калевы,
с ними старец Вейнемейнен¹
собрались на свадьбу ехать.

Молвил хитрый Лемминкяйнен:
„А мой меч здесь самый лучший,
щит мой всех щитов красивей!“
Но красивый сын Калевы
не стерпел того бахвальства
и мечом он размахнулся,
в ногу левую ударил,
руку правую задевши.

Старый верный Вейнемейнен
вымолвил слова такие:

„Ах, красивый сын Калевы,
плохо же ты ранил мужа,
волосы ему ты срезал,
борода его упала
с подбородка да на землю, —
бороды герой лишился“.

Тут красивый сын Калевы,
голову склонивши низко,
шапку набекрень надвинул,
покидал друзей на свадьбе. . .

¹ Лемминкяйнен, сын Калевы и Вейнемейнен — наиболее популярные герои карело-финского эпоса.

На морской попал он остров,
на котором нет деревьев.
Ель красивая поднялась,
ель росла и зеленела.
На золотой верхушке ели —
золотистая куница.
Здесь красивый сын Калевы
разбудил свирепый ветер,
что поднял его на крылья, —
буйный, снес его на берег,
к кузнецу отнес — на землю,
к Илмаринену в жилище.¹

И тогда кузнец промолвил:

„О, красивый сын Калевы,
где ты пропадал годами,
где ты проводил дни-ночи?“

И ответил сын Калевы:

„Там я пропадал годами, —
на том острове заморском, —
где поднялась ель золотая,
где куница отдыхает
на золотой верхушке ели!“

Не поверил Илмаринен:

„Узнаю в тебе лгуна я!“

Предлагает сын Калевы:

„Если ты мне не поверишь,
так пойдем ее посмотрим!“

Вот смотреть они уходят:
здесь и старый Вейнемейнен,
и кузнец сам Илмаринен,
и красивый сын Калевы.

Но Калевы сын красивый
снова ветер пробуждает, —
и несет их этот ветер
прямо в Похьёлу² — на север,
к дальним скалам Сарйола.³

А кователь Илмаринен
там кует прилежно Сампо,⁴
молотом он ударяет

¹ Илмаринен — вековечный кузнец — герой Калевалы.

² Похьёла — буквально „Северная страна“.

³ Сарйола — параллельное название Похьёлы.

⁴ Сампо — чудесная мельница-самомолка.

по сосновому чурбану,
по железной наковальне.
Золоченый круг вертелся.
Сделали большое Сампо
для народа всей Похьёлы,
что — за девятью замками.
Но собрал собак десяток
старый верный Вейнемейнен
и замки он те испортил,
все задвижки уничтожил.

Старый верный Вейнемейнен
направлялся плыть на лодке
в дальний край. Он очутился
около дверей Похьёлы.

Там уже закрыто Сампо,
за тяжелыми замками.
Сампо это вкоренилось
сажен на девять под землю.

Молвил старый Вейнемейнен:

„Водяной, мой сын любезный,
ты пройди сквозь все замочки:
пусть развалятся замочки,
пусть испортятся задвижки!“

„Ты, кузнец наш Илмаринен,
вспахивай-ка корни Сампо,
вспахивай быком сторогим,
с тысячей голов — бычищем!“

И кузнец тот Илмаринен
корни вспахивал у Сампо,
вспахивал быком сторогим,
с тысячей голов — бычищем,
что под землю углубилось.

Вот уж старый Вейнемейнен
Сампо захватил в охапку,
по земле он — на коленях —
в лодку втаскивал то Сампо
и на дно ладьи поставил:

„А теперь — скорей в дорогу!“

Тут промолвил Илмаринен:

„Почему ты, Вейнемейнен,
не поешь, хозяин славный,
получивши в руки Сампо,
с пестрой крышкой мукомолку?“

И тогда журавль поет им,
голосом своим противным
всю Похьёлу пробуждает,
не дает спать северянам.

Молвит севера хозяйка:

„Унесли у нас то Сампо,
что зарыто было в землю!“

Ну, а старый Вейнемейнен
едет морем, поспешает
из Похьёлы вечно мрачной.
И проехавши немного
он в пути остановился,
сам слова такие молвил:

„Ты, кузнец наш Илмаринен,
поднимись на мачту лодки,
осмотри восток и запад,
осмотри и берег Похьи.¹“

И кователь Илмаринен
оглянулся вправо-влево,
посмотрел на берег Похьи.
И тогда он так промолвил,
говорил слова такие:

„Подплывает лодка Похьи,
стоуключинная лодка,
тысяча мужчин у весел,
сто мужчин гребут в той лодке!“

И хозяйка той Похьёлы
вверх вспорхнула, полетела
к Вейнемейнену седому.

Молвит Похьёлы хозяйка:

„Эй, давай поделим Сампо
здесь — на мысе островочка!“

Начали делить то Сампо
там — на мысе островочка.
Сампо в море уронили,
не досталось Сампо людям.

ВОЙНА ЗА НОВОЕ САМПО

Старый верный Вейнемейнен
жеребца взял вороного,
выбрал он коня гнедого.

Ехал он по льду морскому
и по берегам песчаным,
на спине коня усевшись,
на гнедом по морю ехал.

Жеребца прутом ударил—
жемчугом обшитой плеткой.
Едет— поспешает Вейне¹
по морским просторам ясным,
по открытому пространству.

Остроглазый Лаппалайнен²
смотрит утро; смотрит вечер,
сидя у окна избушки,
сидя, что-то ожидает.

Темное увидел в море,
нечто синее на волнах.
Лучший лук себе он выбрал
и вложил стрелу прямую
в тетиву тугого лука.

Сам слова такие молвил:

„Если я нацелюсь низко—
пусть стрела летит повыше,

¹ Похья—сокращенное название Похьёлы.

¹ Вейне—сокращенное имя Вейнемейнена.

² Лаппалайнен—лапландец, саами.

если же наделюсь кверху,
пусть стрела помчится ниже!“

И под старым мудрым Вейне
между ребер у лопатки
через левую подмышку
подстрелил стрелок лошадку,
вороного жеребенка.

Старый верный Вейнемейнен
распростер на волнах пальцы,
в воду погрузивши руки.
Шесть годин он плавал в море,
семь годин стоял в пучине,
точно сук сухой от ели,
точно ветвь сосны блуждая.

Вейнемейнена все ищут
летом на ладьях на легких,
а зимой на лыжах скользких.
Но не найден Вейнемейнен.

„Поднимись, великий ветер,
шли к нам дождь и непогоду,
волны черные на море,
на равнины вод открытых!“

И господь, всевышний старец,
неба ветхий вседержитель,
к острову относит ветер,
ставит у камней подводных.

Вейнемейнена тот ветер
на волнах морских качает,
волны—на берег бросают,
в темный край Похьёлы мрачной,
в Тапиоле¹ оставляют,
где мужей съедают жены,
где героев топят девы,²
к камню пестрому бросают,
на один утес огромный
и на остров одинокий,
где не выросли деревья.

¹ Тапиола—лесная страна, в данном случае параллельное название Похьёлы.

² Мотив, отражающий борьбу нарождавшегося отцовского права против материнского права при первобытно-общинном строе.

Плачет старый Вейнемейнен,
горько слезы проливает:

„Родину давно покинув,
на чужбине я блуждаю,
у дверей мне незнакомых.
Чьи дома здесь—я не знаю
и войти в них не умею!“

А хозяйка той Похьёлы
пробудилась очень рано,
поднялась раненько утром,
быстро домик натопила.
Подмела свою избушку,
взявши веник с медной ручкой,
в медный таз собрала мусор,
отнесла тот сор на дворик,
к полю заднему сносила,
бросив на меже широкой.

Там прислушалась хозяйка
и кругом все осмотрела.
Слышит, как мужчина плачет.
Стонут так—одни герои.

„Посмотрю-ка, кто там плачет,
дай, прислушаюсь немного!“

Суетливо заспешила,
в платяя лучшие оделася,
пояс оловянный взяла,
с медной пряжкой поясочек.

„Что ты плачешь, Вейнемейнен,
что, жених Уманто, стонешь?“

„Без причины я не плачу,
без забот я не печалюсь!
Я по родине скучаю,
на чужбине обретаюсь,
у ворот—мне незнакомых.
Чьи дома здесь—я не знаю
и войти в них не умею!“

„Ну, а что ты подарил бы,
коль на родину отправлю
из краев чужих и дальних?..
Сампо новое мне сделай,
с пестрой крышкой мукомолку,
я тогда тебя отправлю

из краев чужих и дальних,
от ворот от незнакомых!"

„Не могу сковать я Сампо,
крышку пеструю устроить,
Илмаринена пришлю я;
он ковать железо может,
он и Сампо изготовит!“

И тогда старуха Похьи
суетливо заспешила,
в платья лучшие оделась
и на крыльях вещей птицы,
вверх вспорхнувши, полетела.
Веник был хвостом у ведьмы,
взвившейся в мужской рубахе.

Отнесла в родной край старца,
из чужбины отправляла,
от дверей от незнакомых . . .

Молвил старый Вейнемейнен:

„Эй, кузнец, мой друг и братец,
вот пойдем смотреть девицу.
В темной сумрачной Похьёле
и в холодной Тапиоле
спящая живет девица,
с оловянным поясочком,
с медным пояском красotka!“

Вот кузнец в Похьёле мрачной
Сампо днем кует прилежно,
крышку пеструю готовит,
ночью с девушкой резвится.
Скоро приготовил Сампо,
сделал Сампо с пестрой крышкой,
лишь девицу не пленил он.

Сампо новое сверкает
с пестрой крышкой мукомолка.

Мелет меру на потребу,
а другую—для продажи,
третью меру—для запаса
Сампо мелет летней ночью
и осенней ночью мелет.

Рада Похьёлы хозяйка,
редкозубая старуха;
замуж отдаёт дочурку.

Вот домой кузнец поехал;
едет он домой и слышит,
как кукушечки кукуют
перед пестрыми санями,
как тетерочки воркуют
на дуге у старца Вейне.

Руки—в пестрых рукавицах,
обнимает он девицу;
едет в сапогах немецких,
что в походе приобрел он.

И домой приехав, молвил:

„Вот теперь и мелет Сампо,
мукомолка с пестрой крышкой,
мелет меру на потребу,
а другую для продажи,
третью меру для запаса!“

Старый верный Вейнемейнен
похищать собрался Сампо
из Похьёлы темной, мрачной,
из далекой Тапиолы,
где мужей съедают жены,
где героев топят девы.

„Кто со мной вторым поедет?“

„Это—Тьера, Льеры сын он,
будет лучшим твоим другом!“

И прибыв в Похьёлу, Вейне
с помощью иглы волшебной
усыпил всех чужеземцев,
всех язычников Похьёлы.

„О ты, Тьера, Льеры отпрыск,
лучший друг мой и приятель,
принеси-ка крышку в лодку,
в ту ладью снеси-ка Сампо!“

Но не сдвинулось Сампо,
в землю Сампо вкоренилось.

Вот вспахал он корни Сампо;
бороздил быком сторогим,
с тысячей голов—бычищем.
В лодку он относит крышку,
он в ладью относит Сампо.

„Почему ты, Вейнемейнен,
не поешь—жених Уманто,

жоли Сампо приобрел ты
и проехал путь далекий?»

„Рано здесь нам веселиться,
время петь не наступило.
Лишь тогда уместна песня
и веселью час настанет,—
лишь тогда, когда увидим
двери собственные наши;
а сейчас чужие петли
на дверях блестят далеких!“

Черный муравей в то время
журавля побеспокоил,
и журавль со страху вскрикнул,
голосом своим гнусавым
пробудил всех чужеземцев.

А старуха злой Похьёлы
начала искать то Сампо,
с пестрой крышкой мукомолку,
что похитил старый Вейне.
Суетливо заспешила,
в платя лучшие оделась;
поясок взяв оловянный,
с медной пряжкой поясочек.

Молвит старый Вейнемейнен:
„Эй ты, Тьера, Льеры отпрыск,
лучший друг мой и приятель,
осмотри восток и запад,
осмотри и берег Похьи.“

Подплывает лодка Похьи —
стоуключинная лодка.
Сто мужчин сидят на веслах,
сто мужчин сидят без весел,
тысяча мужчин с мечами,
без мечей их так же много,
тысяча стрелков отличных,
столько же иных героев!

Старый, верный Вейнемейнен
видит, что беда подходит,
видит, что пришло несчастье.
Руку он в карманчик сунул,
кошелек свой взял он в руки.

Кремня он достал кусочек,
трут извлек он из кармана.
Далеко забросил в море
через правую лопатку,
через левую подмышку:
мыс на море там поднялся,
он с востока протянулся—
бесконечный мыс на запад
пред героями Похьёлы.

Так остановилась лодка.

А старуха-то Похьёлы
вверх на крыльях вещей птицы
встрепенувшись полетела.
Веник был хвостом у ведьмы,
реявшей в мужской рубахе.
И за мачту ухватившись,
хочет лодку опрокинуть,
в щепки разломать ту лодку.

Старый верный Вейнемейнен
видит, что беда приходит,
что несчастье наступило.
Поднимал весло из моря,
из-под волн весло-лопатку;
по орлице он ударил,
по когтям могучей птицы.
И лишь самым острым когтем
крышку удержала птица—
крышку пеструю от Сампо,
отнеся ее в Похьёлу,
в мерзлый край, на дальний север.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КАНТЕЛЕ

1

Старый верный Вейнемейнен
в пастухи-послал родимых,
с овцами детей направил.
Гурт овец прошел далеко —
в темный лес, в края лапландцев.
Лемпо¹ забежал в ольшанник,
сухоносый Лемпо в ельник;
в рабство обратил младенцев,
на скалу отнес — далеко,
где заставилих работать,
где трудиться их заставил.

Вороного вывел Вейне,
жеребцу вскочил на спину,
сквозь леса, болта ехал,
в облаках промчался Вейне,
через озеро проехал.

Там он на подводный камень
на коне верхом наехал...
Очень рассердился старец,
сел он, кантеле² взяв в руки,
пальцы наложил на струны,
лишь мизинец загибал он.

¹ Лемпо — злой дух.

² Кантеле — музыкальный инструмент.

Так уж имя Оривеси
озеро то получило...

А потом он шел на Хавхо,¹
попросил себе там лошадь.

Шуки, жившие в том Хавхо,
нетель вывели из хлева
и корову подковали
вместо лошади для старца.

Старец кантеле взял в руки,
струны зазвучать заставил.
Слушать ту игру сбежались
все животные на свете.

Но один лишь черный ворон
чуждую игру нарушил,
каверзный стал каркать ворон.

Очень рассердился старец,
взял он палку из березы,
ворона ударил палкой:
рот раскрылся, клюв сломался,
отлетел тот ворон Лемпо.

Но гнездо свое взял ворон,
туфлю надевал на лапу,
на другой же нет и туфли.

Ворона поймал здесь старец,
птицу об скалу ударил
так, что голова разбилась.
И назвал он это место —
озеро то — Пюхярви.²

Сгинул из Суоми³ Лемпо.

Старец в Хаттулу⁴ шагает;
унесли у старца шапку.
Он схватил огромный камень,
через озеро забросил,
слово вымолвив такое
и сказав такие речи:
„Пусть же здесь для вас-возникнет
город для детей и юных,

¹ Оривеси (букв. „Конские воды“) и Хавхо — местности в Финляндии.

² Пюхярви — озеро в Финляндии.

³ Суоми — самоназвание Финляндии.

⁴ Хаттула — местность в Финляндии.

сыновья где суетятся,
где трудиться станут девы!"

Так основан Хяменлинна...¹

2

Старый верный Вейнемейнен,
вековечный заклинатель,
день и два дня шел по полю,
третий день шагал по ниве.
И на третий день у камня
струнами бренчать под вечер
он на кантеле принялся,
собираясь на чужбину.

Так десятки лет проходят,
сотни лет летят поспешно,
тысячи лет пролетают
под бренчанье старца Вейне...

Но от кантеле обломков
там никто собрать не может.
Наконец, зимой приходит
сын Похьёлы — снежный мальчик.
Струны он перебирает,
он на кантеле играет.
Это чудное бренчанье
слышал и король заморский...
Звуки кантеле разлились
по полям страны Суоми.

3

Хитроумный русский воин
лодку на скале готовил,
челн красивый ловко строил.
Наконец, ладью он сделал, —
шесть уключин в этой лодке.

В воду он ладью спускает,
просмоленный челн — на волны,
в шесть уключин весла вставил.

И уселся в этой лодке
старый верный Вейнемейнен,

¹ Хяменлинна — древний город Финляндии, находящийся в центре территории, населенной в свое время западно-финским племенем „емь“ — „хяме“.

сел и юный Евкахайнен.¹
Лодка красная застряла,
верно, на подводном камне.
Молвил юный Евкахайнен:
„Это — не подводный камень,
то — спина огромной щуки...
Слушай, старый Вейнемейнен,
Ты ударь мечом ту щуку!“

И мечом ударил Вейне,
но осталась щука целой.
„Ты попробуй, Вейнемейнен,
рулевым веслом ударить!“

Тут рассыпалась щука
сразу на семь на осколков,
а весло осталось целым.
„Что же можно изготовить
из костей огромной щуки?“
И тогда кузнец промолвил:
„Кантеле бы можно сделать!“
„А откуда взять нам струны?“
И опять кузнец ответил:
„Волосы возьмем от Хиси²
и из них устроим струны!“

Вскоре юный Евкахайнен
кантеле берет под пальцы,
на колени гусли ставит.
Но как видно — не игрок он,
нет в его игре веселья.
Только старый Вейнемейнен,
взявши кантеле то в руки,
из него извлек те звуки,
что веселье породили.

¹ Евкахайнен — в данном случае спутник, но иногда и соперник Вейнемейнена.

² Хиси — злой дух

СОСТЯЗАНИЕ В ПЕНИИ

1

Буйный юный Евкахайнен
и премудрый Вейнемейнен
друг на друга наезжали,¹
что дуга с дугой столкнулась
и гужи переплелись, —
из дуги той кровь струилась,
из гужей же жир закапал.

Молвил юный Евкахайнен:
„Эй ты, старый Вейнемейнен,
кто стоит в познаниях ниже,
тот дорогу уступает!“

Ну, а старый Вейнемейнен
говорил слова такие:
„Хоть я и немного знаю,
все же ведаю маленько;
это я взрыхлял здесь землю,
выкопал озера рыбам,
свод небесный я наладил,
приобрел я силу слова“.

¹ Согласно некоторым вариантам рун старой записи старый Вейнемейнен и юный Евкахайнен „следуют по льду морскому, по немецким по проливам“ (Б, I, 178) согласно же другим вариантам они „подати платить собрались, деньги шли платить за землю“ (Б, I, 204).

Старый верный Вейнемейнен
Евкахайнена младого
погрузил до плеч в болото,
до затылка в луг болотный
и под сыр-бор до подмышек.

Молвил юный Евкахайнен:
„О ты, старый Вейнемейнен,
возврати слова святые,
тыними с меня заклятья;
трудно мне здесь находиться
и меня здесь в жар бросает!“

„Что за это мне подаришь?“

„Золота дам, сколько хочешь,
серебра мешочек полный!“

„В золоте я не нуждаюсь,
серебра я не желаю:
тускло золото у шведов,
серебро у немцев тускло!“

Молвил юный Евкахайнен:

„Возврати слова святые,
ты возьми назад заклятья,
трудно мне здесь находиться
и меня уж в жар бросает!“

„Что подаришь мне за это?“

„Жеребца дам племенного!“

„Жеребца я сам имею:
он красивее — в два раза,
в пять раз более известен.
Воду пить бежит он, резвый,
и бегом спешит обратно;
на хребте вода струится,
на спине блестит озерко.
Травку кушает повсюду
и из облака пьет воду!“

Молвил юный Евкахайнен:
„Возврати слова святые,
тыними с меня заклятья,
трудно мне здесь находиться
и меня здесь в жар бросает!“

„Что подаришь мне за это?“

„Дам сестру свою младую,
дочку матери любимой,

замуж за тебя на старость,
старцу Вейне на утеху".
Старый верный Вейнемейнен
Евкахайнена младого
поднял силой двух ладоней,
струны кантеле тревожа.

Евкахайнен в путь пустился,
едет, поспешает юный,
голову склонив печально.

Мать сидела у окошка,
у сынка она спросила:
„Что же ты, сыночек милый,
голову склонил печально?“

„Потому, моя родная,
голову склонил я низко,
что сестру свою младую
и твою я дочку выдал
в жены Вейне на утеху!“

„Ах, давно я собиралась
Вейнемейнена взять зятем;
нужен нам великий витязь,
песнопевец нашим детям“.

2

Юный парень Евкахайнен
зашагал дорогой смело,
на плечах топорик малый,
маленькие санки сзади.

Молвил старец Евкахайнен:
„Сын отца, куда идешь ты?
Хочешь ли, в широком поле
постреляем из пищалей?“

Вот уж юный Евкахайнен
выстрелил разок, другой раз,
только в цель не попадает.

Выстрелил и Евкахайнен,
он ботву у репы срезал
выстрелом из самопала.

„Так стрелял отец наш раньше!“

„На войну пойдем мы скоро,
в бой великий мы собрались,
вместе с русскими пойдем мы
в край красивый, чужедальний!“

Там в России сын родился,
Здесь в Карелии красивый;
власть родного брата знал он,
старшему он был послушен. . .

На войне нужны герои,
воины везде потребны:
летом, на войне великой,
и при заморозках зимних.
На войне — дела большие,
там с трудом находят счастье.“

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ВЕЙНЕМЕЙНЕНА

1

Люди едут в пестрых санках
и на лодке проплывают,
мимо Новгорода едут,
по земле, тайге и морю.

В Похьёле старуха злая
вдруг в постели закричала,
пробудилась и спросонок
слово молвила такое:

„Маленькая дочка Хиси,
бледнолицая девица,
посмотреть иди скорее,
почему собака лает!
Городской ли пес бесится
на меже моих владений?“

Та служанка молодая,
бледнолицая девица,
слово молвила такое:
„Едут, вижу, в пестрых санках,
из-под Новгорода едут,
по земле, тайге и морю!“
Это старый Вейнемейнен
братъ пришел с собой девицу,
маленькую дочку Хиси,
бледнолицую девицу.

2

Уставал в походах Вейне,
прибежав к друзьям великим
Прямо в бой шел Вейнемейнен,
стал стрелять он из пищали,
стал мечом с врагами биться.

Воинов сразил он много,
и стрелял всегда он метко.

Знатный князь про то проведал,
что силен был Вейнемейнен.

И тогда-то князь промолвил:
„Надо ли казнить героя,
коль сразил он много войска?“

Все же князь не стал сердиться,
Силу оценил в герое
и не стал казнить мужчину.
В знак почета он герою
золота в награду выдал
за участие в походе
на татарский край далекий.

3

Старый верный Вейнемейнен
(с ним был юный Евкахайнен)
шел искать себе лошадку,
с гривой золотистой лошадь.
Слышит он, как дева плачет,
как красивая рыдает.
Бросил он в песках лошадку,
выкупив за сотню марок.
Сам направился к девице.

То не плакала девица,
не красивая рыдала.
Это плакал челн отменный,
лодка без руля рыдала,
по волнам морским скучая,
по просторам вод безбрежных.
„На войну плывут все лодки
в лето каждое три раза,
все полны сукном стокгольмским,
полотно берут от немцев,
и лишь я лежу на щепках“.

Вейнемейнена сын юный
делал лодку, заклиная,
делал лодку, песню пел он.
Вот ладью он приготовил,
рыбьей чешуей накрывши.
Он гребет, плывет в той лодке,
вдоль реки Невы гребет он—
и по невшскому заливу.

У залива крикнул Хукко:
„Чья ладья плывет по водам?“
„Вейнемейнена потомок
в лодке с Терского побережья¹
плавает по этим водам!“

Старый верный Вейнемейнен
целый день топор свой точит...
Шел себе тесать он лодку.

Уж ладью он изготовил,
в воду оттолкнул ту лодку,
усадил грести всех старых,
молодых грести заставил.

Старые гребцы дрожали...
Так под замок он подъехал.
Требовал из замка мясо,
рыбы приказал он выдать
спутникам своим голодным,
утомившимся героям.

Сообща готовят лодку,
в воду ту ладью спускают.
Молодых грести сажали,
старички-гребцы дрожали.

Молвил старый Вейнемейнен:
„Здесь не чувствую веселья,
жить не радостно на свете,
если старый Вейнемейнен
мышц своих не напрягает,

¹ Терское побережье—северный берег Белого моря.

в весла силу не влагая,
рук своих не затрудняя!“

Молодых грести поставил,
те гребли, что весла гнулись;
мимо островов и мысов
к замку финскому приплыли.

Требовал он в замке мяса,
рыбу собирал из града;
не достал из замка мяса,
в городе не дали рыбы.

Старый верный Вейнемейнен
на войну пошел играя,
с радостью шел на чужбину,
он сражаться направлялся,
в бой шел против датской знати.

Многие мужчины, кони
падали на поле брани.
Там стреляли в них под замком.

Не один красавец-всадник,
как полено распростершись,
был сражен на поле брани.

Не одна мать по сыночку
плачет, проливая слезы.
Не одна девица парня
из тех стран к себе взывает,
где мужчины пропадают,
где кормильцы погибают.

Старый витязь Вейнемейнен,
шел в норвежский край суровый.
Был он кузнецом отменным,
хорошо ковал железо,
также сталь ковал отлично;
к северной реке подъехал.
Обращается там старец
к северным сынам с мольбою
переправить его в лодке.

„Может быть и выйдем лодку,
если скажешь без утайки:
ты зачем сюда приехал?“

Старец Вейне раскричался,
засвистел, разбушевался,
вызвал ветер Туонелы,¹
что отнес его чрез воды.

Предлагают северяне:
„Заходи во двор Похьёлы!“
Вейнемейнен сразу входит.
„Заходи и в дом Похьёлы!—
говорят те северяне,—
„измерять мечи здесь будем
и щиты свои осмотрим.
У кого же меч длиннее,
у кого и щит красивей,
тот мечом ударит первый!“

А у старца Вейнемейнен
меч значительно длиннее,
да и щит его красивей:
месяц на щите том светит,
солнце щит тот освещает,
кот мурлычет у гвоздочка,
и щенок у ручки дремлет.*

Пива Вейнемейнен просит.
Вот ему приносят пива,
кружку пива преподносят,
в кружке же—змея клубочком.
Взбросил змею ту Вейне.
„Гадов наземь я бросаю,
пиво же я выпиваю,
бороду смочив в напитке!“

9

Бедняки из Кивиярви,
все крестьяне из Вастиинги
по углам хранят дубины²
и оружие в подвале,

¹ Туонела—подземная страна.

² Имеются в виду изображения на поверхности щита.

³ Кивиярви и Вастиинги—селения западной Финляндии. Здесь началась дубинная война—восстание финских крестьян в 1596-97 гг.—одно из наиболее значительных событий в истории Финляндии.

в темных уголках все копыя,
чем потом господ проучат,
повоюют с господами.

Вот к Саари наступают
те крестьянские герои,
все—с оружием—воюют.
Кровь струилась по рубахе
и кишки все волочились
из распоротого чрева
столбового дворянина.

НЕМЕЦ ГАНС И МАРКЕТТА

1

Хитрый Ганс, природный немец,
собирал с земель налоги,
подати собирал он в селах.

„Кто ему пойдет с подводой?“

Сельская девица едет/
от погоста с той подводой.

Хитрый Ганс, природный немец,
вопрошает у девицы,
узнает и у вдовицы:

„Где Маркетта почивает?“

„Спит за девятью замками
и за десятью замками
в пологе уютном дева,
на перинах спит пуховых
и на простыне из шелка“.

2

Лена, славная хозяйка,
вырастила шесть дочурок,
пятерых отдала замуж,
а шестую держит дома.
Эта дочь в пастушках ходит
и пасет коров молочных.

Как-то раз она искала
место, чтоб поспать немного.

И яшши девица место,
в роще отдохнув решила,
на луку, на стоге сена.
Улеглась она на стоге.

Ганс, островитянин-немец,
лошадей хотел похитить;
у крестьян коней присвоить.
Отобрал все ведрушки,
все забрал себе уздечки.

Здесь он девушку увидел;
целовал ее насильник,
руки ей скрутил веревкой...

Начала судить соседки,
принялись гадать старухи:
„Что стряслось с молодой Маркеттой,
с курочкой домашней нашей,
что не дома проживает,
спит же на полатах, в бане.
Раньше—стройная девица,
стала безобразно толстой;
раньше пояс был на платье,
а теперь без поясочка
ходит в шубе, как старуха“.

Лена, славная хозяйка,
зачёрпнуть подходит пива,
через баню в клеть заходит.
Не осталось больше пива,
лишь нашла она ребенка,
мальчика она находит.

Лена, славная хозяйка,
подняла мальчишку с полу,
отнесла к мужчинам в избу.

„Кто из вас отец мальчишке,
кто отцом ребенку будет?“

Тот, кто был отцом ребенка,
тот, кому был сыном мальчик,
клялся,—дескать—не отец он,
отрицал свое отцовство.

Лена, славная хозяйка,
к женщинам дитя относит:

„Кто из вас дитя родила,
кто ребенка породила?“

Та, кто мальчика родила,
матерью была кто сыну,—
та клялась: „Не мой ребенок!“
матерью быть отказалась.

Лена, славная хозяйка,
молвила слова такие:

„Коль отец не хочет сына,—
неужель дитя утопим?
Раз без матери ребенок,—
неужель сожжем младенца?“

Даровал язык создатель
сыну, жившему три ночи:
„Низкий Ганс—тот немец в шляпе—
мне отцом как будто будет,
а Маркетта в красной шапке
матерью мне верно будет“.

3

Низкий немец Ганс промолвил:
„На дворе же дров есть вдоволь,
дров возов зажгите тридцать,
на костре сынка сожгите!“

Он в огонь сынка относит,
но в огне тот не сгорает...
Ганс же—чистокровный немец
был за это взят и изгнан,
прочь изгнать его решили.

ЛЕММИНКЯЙНЕН, НЕМЕЦ ГАНС И ХУРТТА

1

Лемминкяйнен, хитрый воин,
на войну пошел беспечно,
веселясь он шел в сраженье.
На болоте он играет,
на бору трубит в трубу он.
И трясись земля, болото,
бор навстречу подался.
„Мать моя, родная мама,
все военные доспехи
принеси мне поскорее;
их на свадьбах мы носили,
на пирушках в них гуляли!“

„Младший мой сынок любезный,
трижды смерть в пути увидишь.
Первой смертью для мужчины
Яма по дороге будет“.

„Мать моя, родная мама,
эта смерть не для мужчины,
не геройская та гибель!“

2

Дым на острове виднелся,
был пожар на перешейке.
Он велик, чтоб быть пастушьим,
мал, чтоб быть войны пожаром.

Ганс был чистокровный немец,
для пирушки пиво варит,
целые леса сжигает,
а воды озера сушит.
Уж деревьев мало стало,
мало в озере водицы.

А на пир в поповском доме
ехали верхом хромые,
и не зван лишь Лемминкяйнен.

Хитрый парень Лемминкяйнен
жеребца берет в конюшне,
он гнедого запрягает
пред санями золотыми.

Жеребца прутом ударил,—
плеткой, жемчугом обшитой.
Жеребец бежать пустился,
конь гнедой тот скачет рысью.
Пробежал пути немного,
по земле бежал он быстро.

Жеребец остановился,
уши наострил коняга.
Смотрит Лемминкяйнен, видит
поперек дороги яму
в три сажени глубиною
и длиною в девять сажень,
полную камней горячих,
раскаленных глыб, осколков.

Лемминкяйнен, храбрый парень,
все же в путь пустился дальше.
Вспоминает Лемминкяйнен:

„Мать моя предупреждала
про препятствие такое“.

Жеребца прутом ударил,—
плеткой, жемчугом обшитой;
жеребец бежать пустился,
конь гнедой все скачет рысью.
Вот гнедой остановился,
уши наострил коняга.

Смотрит Лемминкяйнен, видит
на пути змею большую,
на земле гадюку видит.

„Мать моя предупреждала
про препятствие такое“.

Жеребца прутом ударил,—
плеткой, жемчугом обшитой.
Жеребец бежать пустился,
конь гнедой тот скачет рысью.
Пробежал пути немного,
а затем остановился,
уши наострил конь быстрый;
изгородь там — из железа,
из стальных жердев и кольев,
в сотню сажень шириною,
в тысячу же — выщиною.

Лемминкяйнен, хитрый парень,
все же в путь пустился дальше.
Шел на пир в поповском доме;
дев там замуж выдавали
перед пастором немецким.

Хитрый парень Лемминкяйнен
был всегда мужчиной нужным,
к берегу озерка ехал.
Пробудился рано утром,
вымылся и поклонился:

„Раза три я поклонюся
всем здесь у стены стоящим,
людям, на скамье сидящим,
матери, хозяйке моря.
Золотой король подводный!
Выдай ты мне злого Хуртту,¹
главного из девяти зод.
Пасть у Хуртты с таярище,
а язык — с копье длиною.
С юга здесь он появился,
чтоб мой стада похитить,
выдавая замуж деву
перед пастором немецким“.

3

Торопливый Туйретуйнен,²
он же хитрый Лемминкяйнен,

¹ Народное прозвище иноземного заместника, против которого
стали крестьяне при помощи русских восстали в 1696 г.
² Туйретуйнен — параллельное имя Лемминкяйнену.

деньги шел платить за землю,
вез земельные налоги.

Встретил он одну девицу,
усадил красотку в сани...

„А велик ли род твой, дева,
славное ли ваше племя?“

„Не велик и не ничтожен;
братьев пятерых имею,
брат мне—хитрый Лемминкяйнен,
торопливый Туйретуйнен!“

Выпрыгнул из санок парень,
и развел герой руками.
Он подъехал на лошадке
к Выборгу, к пяти воротам.

„О ты, мать моя родная,
припаси в мешочек пищи,
чтобы мне бежать отсюда!“

„Ах, не уезжай, сыночек,
не въезжай ты в лес еловый,
рыщет там проклятый Хуртта,
ездят сборщики налогов!“

4

Что-то за огонь там виден
на проливах на немецких,
на пучинах темных—пламя?
Он велик, чтоб быть пастушьим
мал, чтоб быть войны пожаром.
Осмотар¹ варила пиво,
из ячменных зерен варит
в маленьком котле-посуде,
где ладонь лишь умещалась.

Приглашения готовит,
в девять стран гонцов послала:

„Всех зови, гонец мой милый,
всех зови: хромых, убогих,
и слепых всех приглашай-ка.
Пусть верхом хромые едут,
в лодках пусть гребут слепые
и лишь звать на пированье
Лемминкяйнена не надо!“

¹ Осмотар—имя одной из героинь рун Калевалы.

„Катеринушка-красотка,
принеси мне кружку пива!“

Вот красотка Катерина
пива кружку преподносит,
чашу со двумя ушками.
Змей лежал на дне той чаши
и личинка в кружке пива.

Но тот хитрый Лемминкяйнен,
из ножи свой нож хватая,
гадов извлекал из чаши.
Выпил он из кружки пиво,
черный мед из чаши выпил.

5

Хитрый парень Лемминкяйнен
был воинственным героем.

„На мечях давай сражаться!“
Пяйвеляйнена сразил он.

„Мать моя, родная мама,
там произошло убийство
на лиру страны Пяйвелы,
у немецкого пролива,
на просторах вод широких.

Старики мечи там точат,
старцы берутся с пешнями!“

„Почему ж мечи там точат?“
„Лемминкяйнену на гибель!“

„Я скажу тебе, сыночек,
младший мой сынок любимый,
дитяtko мое родное,

ты теперь сиди скромнее
и шагай ты без бахвальства,
у дверей постой смиренно,
около котла—у печки!“

„Где же мне теперь скрываться?“

„Ты иди, куда пошло я,
через девять океанов,
на десятое на море!

Мед там пьют в глуши герои,
лакомятся сладким медом
люди за девятым морем,
и отлично проживают
люди за девятым морем!“

Хитрый парень Леммикяйнен
сам слова такие молвил:

„Где находится Вьюола,
проживают дочки Вейне?“
„Там находится Вьюола—
на волнах, на синем море,
там, где пестрый камень виден,
в маленькой избушке-хате,
что замков имеет сотню,
с тысячей ключей в замочках“.

Молвил хитрый Леммикяйнен:

„Анникки, моя сестрица,
натопи теперь мне баню—
в маленькой избенке печку;
нанеси поленьев тонких
и неси растопок мелких!“

Сам он в кузницу заходит
и кует замков там сотню.

Тут и баню натопили.
Точно жаворонок мылся,
он в красавца превратился,
грязь осеннюю всю смывши,
сажу зимнюю из кузни.

И холщевую рубаху
надевал герой скорее,
пояс золотой надел он
на холщевую рубаху,
влез он в латы из железа.
В латах быть всегда надежней,
в тех железных одеяньях.

Вот уж хитрый Леммикяйнен,
вековечный песнопевец,
стал дряхлеть на длинных песнях,
на своих народных песнях.

„Эй, кователь песен рода,
не был ты певцом великим!“

Плыл он в темную Похьяду
добывать обломки Самия,
счастье добывать он ехал.

Молвил старый Вейнемейнен:
„Лишь тогда запеть нам можно
и тогда повеселиться,
если только мы увидим
вдалеке родные двери!“

Старый верный Вейнемейнен,
вековечный заклинатель,
у окна сидел весь вечер,
счастья ждал он у окошка.

НЕМЕЦ ГАНС, ЕЛЕНА И КАЙСА

Ганс был чистокровный немец,
знатный из бояр-баронов,¹
дев упрасивал у мыса:

„Эй, пойдем со мной, девица!“

Девушка же отвечала:

„Ведь жену уж ты имеешь,
прежнюю свою хозяйку“.

Ганс, тот чистокровный немец,
отвечал сердито деве:

„Я готов убить жену ту,
прежнюю свою хозяйку“.

Ганс, островитянин-немец,
побежал домой скорее:

„Эй, хозяйюшка Елена!..

Где Елена запропала?“

Дети немцу отвечали:

„В баню мать пошла—в деревню“.

„Так она пошла в деревню?..

Ведь у ней три бани дома:

баня первая—дубинка,

и еще—кулак костлявый,

третья же—из кожи плетка!“

¹ Название „боярин“ употребляется в карело-финских народных песнях не только по отношению к русской, но и к пришедшей немецкой и шведской знати.

В бане парилась Елена,
баню первую познала,
во второй была Елена
и отведала ту баню,
в третью уж пошла Елена,
но не парилась в той бане.

Вымылась она в деревне,
вдоволь вылила водицы,
наклонившись, умывалась,
вымыла, как лен, головку,
вымыла себе все тело;
на гору пошла, в клетушку,
в лучшее там одевалась,
все льняное надевала,
юбки из сукна надела,
на ноги чулки обула,
в новые обулась туфли.
На руках—золотые кольца,
вся в цветах ее головка.
Вот она пришла в избушку.

Ганс, островитянин-немец,
знатный из бояр-баронов,
отточил свой меч немецкий,
задавал мечу вопросы:

„Съешь ли мяса от невинной,
выпьешь ли невинной крови?“

Меч взывал на помощь к небу.

Ганс свой меч в песок забросил.

А хозяйюшка Елена
от него бежать хотела.

Ганс же побежал за нею;

он убил свою супругу,

прежнюю свою хозяйку.

Шел на мыс к девицам немец,
там он сватался к девицам.

Девушка же отвечала:

„За тебя не выйду замуж,
ты не лучше кровопийцев,
ты обыкновенный изверг,
ты свою жену зарезал,
прежнюю свою хозяйку,
и меня убить ты можешь!“

Ганс домой пошел заплакав,
хныкая шел на усадьбу.
Дети плакали у окон.
Немец стал звать к хозяйке:
„Ах, хозяйшкa Елена,
поднимись, не спи, родная,
пробудись от сна, супруга!“
Но умершая не встанет,
вечный сон скрвал Елену.
Ганс в слезах вошел в избушку,
дети плакали у окон:

„Где-то мать у нас пропала!“
„Не ушла же мать далеко,
спит она, заснув на реке“.

Побежали к ней детишки:
„Встань, не спи ты, наша мама,
пробудись от сна, родная!“

Видят дети: мать не встанет,
вечным сном она почива.

„Дорогая мать, родная,
молоком ты нас кормила,
грудью всех ты нас вспоиала,
зодотая, нас возрастила;
умерла теперь ты рано,
смерть насильную познала,
долго спать ты будешь, мама,
в вечном сне ты почиваешь!“

2

Ганс, островитянин-немец,
кантеле играть заставил,
затянул хозяев песню,
сидя за столом в рубахе:
он решил, что все заснули,
что уже все сном объаты.
Наливая он кружку пива,
квасом петли все он облил,
обмочил дверные петли.
Он вошел и не скрипели
петли на дверях избушки.
Подошел к постели Ганс —
на возвышенное место,
что замком было замкнуто.

Кайса немцу говорила:
„Свой ли ты герб мне будешь,
или ищешь ты распутный?“
„Не герб тебе я буду
и ищу я лишь распутный.“
Кайса на ноги вскочила,
нож схватила с поясочка,
из ножиц взяла железный
и вонзила в сердце немцу.
Кровь его струиться стала
через пять платков из шерсти,
на шестое покрывало.

Лаять начала собака,
тявкать начал пес дворовый,
длиннохвостый рыть стал землю.

Посмотреть иди-ка, Анни!
Не напрасно пес там лает,
тявкает не без причины
длиннохвостый пес дворовый“.

Шла смотреть на дворик Анни.
И от страха Анни-дева
к Антти мигом прибежала
и под шубой там укрылась,
вся платком своим накрылась.

В дом детей заводит Кайса
и перед клетушкой молвит:

„Высекай огонь мне, Антти,
высекай огонь огнивом!“

Высекал огонь ей Антти,
высекал огонь огнивом;
он в руках держал свой кремь,
трут держал в руках привычных.

Посмотреть уходит Антти.

Кайса в ужасе вскочила,
у стены она стояла,
прислонилась у окошка,
и в руках был нож кровавый.

„Ах, безумная ты ведьма,
золота отцу нехватит,
брату серебра — на выкуп!“

„Ой, мой Антти, деверь милый,
не нужно отцово злато,
брата серебро — на выкуп.“

Милый мой пошел рыбачить,
окуней собрался удить.
Мне он предан, он рыбачит,
принесет большую щуку,—
подкуплю судью я этим.
Если этого им мало—
рукавиц им дам из ларца,
что набит сукном немецким.
Если и того им мало—
широка земля Суоми,
место есть убийце скрыться,
есть куда бежать скрываться“.

3

На чужбину направляясь,
в незнакомый край бежала.

„Там никто меня не знает,
лишь других там я увижу:
в русском я узнаю брата,
в русской женщине—сестрицу.

Но на родине-то лучше
спать хоть на полатях бани,
чём в чужом краю скитаться,
почивать в немецком зале,
на больших суконных свертках,
около тюков суконных.

Лучше в край родной собраться
пить водицу из бересты,
чем в краю чужом скитаться,
пиво выпивать из кружки,
красный квас из той бутылки.

КУЛЛЕРВО НА ВОЙНЕ

1

Был один бедняк-крестьянин,
маломощный бедный пахарь;
он вспахал борозд десяток,
взборонил борозд десяток —
около пня векового.

Пень тот вскоре раскололся
и сынка два появилось.
В Копорье¹ сыночек вырос,
а другой в местечке Унто.

Тот, что в Копорье поднялся,
назван Калервой народом;
а который вырос в Унто,
из того стал Унтамойнен.²

Калерво овес посеял
у ворот участка Унто.
Овцы черные у Унто
скушали овес Калервы.
Но собаки у Калервы
разорвали тех овечек.

Унто очень рассердился,
объявил войну Калерве
и пошел в поход с войсками ...

¹ Копорье—древне-русская крепость около юго-восточного Финского залива.

² Калерво и Унтамойнен —два враждующих брата, герои рунны.

Вот золовка у Калервы
косы причесав в прическу,
выглянула из окошка:

„Мой отец, родитель старый,
посмотри-ка из окошка,
что за дым там появился?
Или то—туман прибрежный,
или дождевая туча?“

Но старик ей отвечает:
„Там идут войной от Унто;
по пяти мечей у мужа,
пятьдесят коней отборных!“

Так войной нагрязнул Унто;
резал он детей и старцев
и один лишь сын остался,
в колыбели он качался,
у печи в избе еловой.

„А куда ж снести мальчишку?“
В озеро был брошен мальчик,
он в пучину был заброшен.
Посмотреть пошли на утро:
там на берегу сидел он—
мальчик около пучины.

К виселице относили
и в огонь дитя бросали.
Посмотреть пошли на утро:
жив попрежнему мальчишка.

К кузнецу его относят.
Там он жеребца золотого
выковал себе на славу,
меч стальной себе он сделал . . .

А затем тот сын Калервы
в путь в Суоми направлялся.
Унто встретился с героем,
не узнав его, промолвил:
„Здравствуй, молодец московский,
Иван-города¹ ты всадник,
городской купец, здорово!“
„Здравствуй же, мой старый дядя,
Здравствуйте, все дети дяди,

¹ Иван-город — старинный русский город вблизи Копорья.

Здравствуй ты, богатый Унто!
Помнишь ли былые годы
и весенние все битвы,
и бои на датских землях.
Резал там ты старых, малых,
истребил мужчин всех взрослых!“

2

Куллерво был сын Калервы,
на войну пошел беспечно,
убивать на поле брани.
На болото шел играя,
на бору перекликался.

Вздогнули земля, болото,
бор навстречу попадался.
Вслед за тем пришло известье:
„Там отец твой умирает—
на войне великой шведской
и на ярмарках окружных!“

И Куллерво, сын Калервы,
на войну идет беспечно,
на бору перекликаясь.

Вздогнули земля, болото,
бор навстречу попадался,
вслед за тем пришло известье:

„Мать твоя уже скончалась!“

Но Куллерво, сын Калервы,
на войну пришел беспечно,
убивать на поле брани.
На болото шел игривый,
на бору перекликался.

Вздогнули земля, болото,
бор навстречу попадался.
Вслед за тем пришло известье:

„Там жена твоя хворает!“

Куллерво домой приходит,
говорит своей супруге:

„Ты не умирай, младая,—
кто даст чистую одежду,
кто теперь калач спечет мне?“

Евконена сын Антеро¹
 на войну собрался ехать,
 а ему уж весть приносят:
 „Мать твоя скончалась дома!“
 „Умерла, так что ж поделать,
 миром мать пусть похоронят;
 мне же к туркам надо ехать,
 победить там чернобровых!“

Евконена сын Антеро
 на войну собрался ехать,
 а ему уж весть приносят:
 „При смерти отец твой дома!“
 „Коль умрет, так что ж поделать,
 миром пусть отца хоронят,
 я врагов еще не видел,
 не убит здесь пришлый немец!..“

¹ Антеро — герой многочисленных карело-финских эпических песен.

КУЛЛЕРВО И НЕМЦЫ

I

Куллерво был сын Калервы
 золотокудрый и нарядный,
 целый год везет он злато
 и сукно он с моря возит;
 он подплыл к горе Куппари,
 остров на бок наклоняет,
 золото он там рассыпал,
 серебро бросал он в море.

Раскололся слиток злата
 и кусок упал на остров.
 Там красивый садик вырос
 и усадьба появилась,
 стадо выросло в усадьбе
 и хозяйка—над тем стадом,
 у хозяйки—дочь младая,
 краснощекая девица,
 белокурая красotka,—
 кудри золотом покрыты.

Эту дочь хвалили всюду,
 сватать все ее ходили,
 пасторы, попы являлись,
 все придворные ходили,
 прибыли из Нарвы немцы,
 но за них не вышла дева.

Наконец, Фома приходит,
 девушку сажает в сани,

шелком завязав ей глазки,
и сукном накрыв ей ножки.
Он прутом коня ударил,
жеребец бежать пустился,
по дороге сани едут.

2

Прибыли из Нарвы немцы—
в золотых все рукавицах,
с золотыми все дарами.

Спрашивали, говорили:

„Анникки, из Турку дева,
выйдешь ли за немца замуж?“

„Нет, не выйду, нет, не выйду,
обручаться не хочу я!“

И смотреть она не хочет
на подарки чужеземцев,
на дары для обрученья...

Сын Калерво появился—
хлебные в руках подарки,
хлебные дары принес он.
Говорил он, вопрошая:

„Анникки, из Турку дева,
за меня ты выйдешь замуж?“

„За тебя, конечно, выйду,
для тебя я вырастала,
все домашние хотели,
мать моя того желала,
чтоб с тобой я обручилась!“

ПОХОДЫ КУЛЛЕРВО ПОД ЗАМОК

1

Туро, резкий, буйный парень,
Туро, хитрый и коварный,
ищет лошадей отличных,
жеребцов он выбирает,
племенные взяв уздечки
и забрав все недоуздки.

Слышит он, как лодка плачет,
челн осиновый расстроен;
он скорей подходит к лодке,
у челна он вопрошает:
„Что ты, новый челн мой, плачешь,
ты чего желаешь, лодка?“

„По большой войне скучаю;
воевать ладьи все ходят,
много сапогов немецких
и сукна везут в добычу,
и лишь я, из лодок лодка,
гнить на щепках здесь осталась.
Кто меня, ладью, починит,
кто бы мог стесать здесь лодку?“

Куллерво, тот сын Калервы,
стал тесать он эту лодку,
починять ладью принялся.
Долго он ее готовил,
три недели ее делал.

Вот он судно приготовил;
в воду он ладью спускает,
нагрузив народом лодку.
Усадил людей он в судно,
половину этой лодки
он наполнил женихами.

2

С пастухом пасти послали
пребольших свиней немецких,
всех животных из усадьбы,
всех овец, баранов глупых.

Выросла свинья большая,
поросенок сильно вырос,
с полсажени был он ростом,
вырос же он в сотню сажен,
рыло—в шесть локтей длиною.

Шел старик свинью ту резать;
с палицею золотою,—
с медным молотом тот старец,
он с серебряной дубиной.

Головой свинья мотнула,
поросенок рыло поднял,
и старик на ель взлетает,—
духи¹ прочие—на сосны,
господа летят на вереск.

И старик промолвил с елки,
с вереска кричат другие:
„Подожди, свинья, немного,
вот пройдет еще годочек;
в будущем году не будешь
рылом рыть межи речные;
топором по лбу ударю
так, что жир лишь разлетится!“

3

Куллерво, тот сын Калервы,
делал лодку, заклиная,

¹ Руна о большой свинье возникла еще в дохристианский период истории карел и финнов, в связи с чем в ней и появляется этот мотив.

звонким топором готовил,
на скале он ладил лодку.

Так он лодку изготовил,
молодых грести сажал он.
Подплывал к вдове под замок.
А вдова гуляла в замке
в черных шелковых чулочках.

„Эй, вдова, вдова из Лейно,
на тебя войной пришли мы;
восемь кос у нас оружия,
десять топоров имеем“.

А вдова им отвечает:

„Но ведь я не беззащитна,
знатных сыновей имею:
в Риге рыцарем сыночек,
в Швеции второй стал пробстом“¹

Услыхала смерть про это,
умертвила дворянина,
пробста шведского убила.

Куллерво, тот сын Калервы,
так тогда вдове промолвил:
„Не гордись в своем ты замке,
ведь теперь ты беззащитна!“

4

Из селений, городов всех,
наилучшим наш поселок
был, он—на красивом месте,
на прекрасном был построен.
Обращен поселок к морю,
был лицом к восходу солнца,
был у озера Чудского.

Корабли купцов немецких
из Стокгольма приплывали.
Кто по городам скучает,
кто скучает по Копорью,
тот пусть едет в наши села,
к нашему народу едет.

В городах и селах наших
победил народ наш немцев.

¹ Пробст—представитель духовной и светской власти в Швеции.

Наши земли медом пахли,
скалы же — яйцом куриным,
все холмы — коровьим маслом,
земли прочие — навозом,
скалы прочие — пометом,
горы — конопляным маслом.

Раньше здесь была деревня,
и вчера еще имелась
и сегодня есть деревня.

Но теперь леса густые
и глубокие озера
окружают ту деревню.
Родники в лесах струятся,
лососи в ручьях ныряют,
города на них поднялись.

Град один был градом девы,
и второй — молодой невесты,
третий град был вдовьим градом.

Городок молодой невесты
был обшит отменным шелком.
Замок же вдовы дородной
был покрыт железной крышей.
Та вдова гуляла в замке
в наилучших в своих платьях,
в самых лучших одеяньях.

„Я — не бедная вдовица,
я совсем не беззащитна,
без поддержки не живу я,
сыновей троих имея“.

Сын один был свейским пробстом,
был епископом сыночек,
третий же был дворянином.

Смерть услышала про это;
пробста свейского сгубила
и епископа убила,
умертвила дворянина.

„Бедная теперь вдова я,
беззащитная жена я,
нет ни в ком теперь опоры!“

КУЗНЕЦ ИЛМАРИНЕН И КУЛЛЕРВО

1

Ночью сумрачною дева
мыла мытые одежды,
на мосточке в длинном платье
пестрой палицей клепала.

Лодка по морю несется,
красная наполовину.

Ночью сумрачною дева
обращалась к этой лодке:

„Эй, куда вы, шведы, в лодке?“

А из лодки отвечают,
говорят из этой лодки:

„Рыбу удить собираюсь, —
рыбу, что хвостом виляет.
Посмотрю, как рыба мечет,
посмотрю, как мечет щука“.

Ночью сумрачною дева
отвечала так тем шведам:

„Эх, не лги-ка, швед коварный,
на второй раз правду молви!
Знаю я, как ловят рыбу,
как на лодке рыбу ловят:
сети — посредине лодки,
на носу остроги длинны,
на корме еще длиннее.
Эй, куда вы, шведы, в лодке?“

Молвили из лодки шведской:
„На войну мы собралися!“

Ночью сумрачною дева
отвечала так тем шведам:
„Знаю, как идут войною:
сто мужчин гребет на веслах,
тысяча сидит без дела,
и у всех мужчин—пищали,
острые мечи у шведов“.

Ночью сумрачною дева
так со злобой вопрошала:
„Эй, куда вы, шведы, в лодке?“

Молвили из лодки шведской:
„В женихи мы собралися
к дочке старика Хииси,
к беленькой девице Кате“.

Ночью сумрачною дева
превратилась в чернявку,
в золотистую кукушку,
в серебристую голубку,
и порог перелетела,
к кузнецу впорхнула в двери,
молвила, входя, девица:

„Эй, кузнец ты, Илмаринен,
скуй-ка мне на шею крестик,
скуй и кольца мне получше,
скуй-ка серьги мне на уши,
весть хорошую несу я!“

Молвил мастер Илмаринен:
„Коль ты с добрыми вестями,—
крест тебе скую на шею,
кольца сделаю получше,
серьги я скую на уши.
Коль несешь плохие вести,
то тебя в огонь я брошу,
в вечность мрачную отправлю,
в горы кузнечный затолкаю“.

Ночью сумрачною дева
кузнецу так отвечала:
„Лодка шведская плывет там,
в женихи собрались шведы
к дочке старика Хииси,
к беленькой твоей девице“.

Услыхав то, Илмаринен
клещи уронил на землю:

„Некогда держать мне клещи,
молотом ковать железо!“
Молвил мастер Илмаринен:
„Эй ты, мать моя родная,
приготовь в дорогу пищу,
наложи муки в мешочек!
В женихи я отправляюсь
К дочке старика Хииси,
к беленькой своей девице.
Слушай, мать моя родная,
дай холщевую рубаху,—
в женихи я собираюсь,
старшинства я добиваюсь!“

Мать ему уж приносила
ту холщевую рубаху,
принесла кафтан сыночку
на холщевую рубаху.

Так кузнец наш Илмаринен
в женихи собрался ехать.

2

Куллерво был сын Калервы,
парень в синеньких чулочках,
златокудрый и нарядный;
в путь он спешно собирался
от своих грехов скрываться:
дочь у матери испортил,
погубил свою сестрицу.

„Ты в реке будь серой щукой!“

„Пусть там Лемпо щукой будет,
пусть плывет он щукой серой.
Ведь хозяин-то Пяйвелы¹
навязал сетей несчетно;
с сотнями ячей их вяжет,
в сети он поймает щуку“.

Куллерво, тот сын Калервы,
в синих тонких облаченьях,
в бегство спешно собирался.

¹ Пяйвела—страна солнца.

„Ты иди сосной на горку,
будь березой в поле чистом,
на бору сосной рождайся!“

„Пусть сосной там Лемпо будет,
пусть он будет той березой,
вырубаемой на бревна,
разрубаемой для печки!“

Куллерво, тот сын Калервы,
парень в синеньких чулочках
и в одеждах синих, тонких,
златокудрый и нарядный,
в путь поспешно направлялся
от своих грехов скрываться.

Парус на ладью наладил,
полотно на парус лодки.
К острову большому ехал,
девам острова он молвил:

„Есть ли здесь—на островочке—
место, чтоб ладью поставить,
лодку вытянуть на сушу?“

Молвят девы островочка:

„Есть на островочке место,
чтобы здесь ладью поставить,
лодку вытянуть на сушу,
будь с тобой хоть сотня лодок,
хоть бы тысячу привел ты
к пристани своей отцовской,
что отец твой приготовил“.

С сотней девушек сошелся
летом—за одну лишь ночь.
А мужи мечи готовят
для кольчуги богатырской.

Снова в бегство обратился.
Оттолкнул он лодку в воду,
сто судов на волны вывел.
До тех пор рыдали девы
лодка им пока виднелась.
Плакали ведь не о мачте,
а о парне, что под мачтой.

Куллерво, тот сын Калервы,
так под новый город ехал,
подплывал под вражий Выборг.

И туда писал он спешно,
грамоту туда отправил:

„Есть ли в городе нам мясо,
Вонмари¹ богат ли маслом,
чтоб голодному покушать,
голодающему мужу?“

Молвит женщина оттуда:

„В крепости не будет мяса,
нет у Вонмари и масла,
чтобы кушал муж голодный,
чтобы съел нуждой гонимый.
Изнурился черный мерин,
белый конь здесь поддыхает
на обед тебе, насильник,
в пищу для когтей кровавых!“

Из ружей стрелять взялись
благородным лукам в помощь;
стены крепости разбились,
с грохотом стреха упала.

3

Куллерво, тот сын Калервы,
парень в синеньких чулочках,
златокудрый и нарядный
и в красивеньких сапожках,
дочь у матери испортил,
соблазнил свою сестрицу.

„Ну, куда здесь убегу я,
где я скрою грех великий?
Я на бор сосной пошел бы—
на бору сосну ту срубят,
на дрова сосну разрежут
и в костер дрова те сложат—
так не очень-то приятно.
Шукой я нырнул бы в воду,
но хозяин же Пяйвелы
множество сетей там вяжет,
с сотнями ячей те сети—
не хочу попасть в те сети.
Ну, куда я, бедный парень,
ну, куда пойду отсюда?“

¹ Вонмари—местность в Прибалтике.

Плыть направился по морю.
День плывет, гребет второй день,
и плывет уж день он третий
через Лексы¹ полноводье
и немецкие проливы.
Видит остров у пролива,
место видное на море.

Куллерво, тот сын Калервы,
парень в синеньких чулочках,
говорил такие речи:

„Где на острове есть место,
чтобы вытащить мне лодку,
на сухом оставить месте?“

Девы острова сказали:

„Есть на острове здесь место,
будь с тобой хоть сотня лодок,
хоть бы тысячу привел ты“.

Девы острова встречали
в узкой горнице героя.
Здесь осматривал девиц он,
выбирал из всех красивых
с длинными косами деву.

Куллерво, тот сын Калервы,
парень в синеньких чулочках,
златокудрый и нарядный
и в красивеньких сапожках,
день и два смотрел девиц тех,
и осматривал день третий;
тут и Даша, тут и Маша,
тут и душечка Авдотья.

Но Авдотья всех хитрее,
за водой она сбежала
и ушат взяла на плечи.

Куллерво, тот сын Калервы,
парень в синеньких чулочках,
златокудрый и нарядный
и в красивеньких сапожках
за Авдотьей устремился.
Лодку оттолкнул он в воду,
вместе с ним Авдотья едет.

¹ Лекса — система озер в западной Карелии.

Подняли на лодку парус,—
полотно на мачту лодки.

И пока не скрылась мачта
до тех пор рыдала дева.
И скучала не по мачте,
а по парню, что у мачты.

Куллерво, тот сын Калервы,
парень в синеньких чулочках,
едет день, второй гребет он
по немецким всем проливам
и по Лексы полноводью.

Мать сидела у окошка,
увидала в море точку—
лодку ту на синих волнах.

„Возвращается сынок мой
от немецких от проливов
и из Лексы полноводья.
Только что-то он привозит:
птицу ли везет—летунью,
или яблоко такое,
что домашний труд наш любит?
Что-то приобрел мой мальчик?“

Сын слова такие молвил:

„Побывав в краях немецких
и в Стокгольме, приобрел я
для себя хозяйку дома!“

4

На мысу пожар виднелся,
в Койвисто¹ село горело.
Но не жаль земель на мысе,
жаль лишь дев на островочке.

Земли там переделены,
все поля там обмерялись,
по вершкам все измерялись.

Там кузнец остановился,
на мысу обосновался,
кузницу он там устроил,
где один лишь он вмещался,
где лишь локти мог раздвинуть.

¹ Койвисто—порт на юго-восточном берегу Финского залива.

Там ковал он все, что надо:
деве Хеко ожерелье,
дочке Майо¹ побрякушки.
Не хвалили ожерелья,
побрякушек не хвалили.

Разные готовил вещи:
для властей ковал оружие,
топоры ковал приходу
и серпы ковал общине.
Но не хвалит власть оружия,
и серпы хулит община.

А про то кузнец проведал,
он про то узнал, услышал.
И кузнец тут рассердился,
клещи выбросил на крышу,
молот свой на землю бросил.
Кузницу он сvez в Россию,
на один лесистый остров.

5

Волк бежит через болото,
через бор медведь проходит.
Пар от волчьих лап поднялся,
мох от лап медвежьих падал.
Признаки руды железной
на следах остались волчьих,
на следах от лап медвежьих.

Тут кузнец наш Илмаринен
на следы набрел медвежьих.
Снял куски руды железной
со следов огромных волчьих,
со следов от лап медвежьих.

И кует кузнец прилежно,
ударяет в наковальню
в кузнице, где и дверей нет,
где и окон не бывало.

Меч он выковал отменный,
лучший щит он в кузне сделал
сыну Калевы в знак дружбы.

А Куллерво, сын Калервы,
меч в ножны свои засунул

¹ Хеко и Майо—имена девушек.

и рожок в мешок заврятал.
Подковал себе лошадку,
оседлал коня отважный.
На войну с боями ехал,
с радостью он рвался в битву.

Ехал он совсем недолго,
из мешка рожок извлек он,
заиграл тут—на болоте,
на бору трубил в трубу он.
И тряслись земля, болото,
бор навстречу попадался.

Куллерво же, сын Калервы,
следовал своей дорогой
на большое поле брани,
на равнину смерти мужей.
Направляясь в бой, промолвил:

„И в живых не оставался
ни один герой в доспехах
на огромном поле брани,
на равнине смерти мужей!“

И погиб Куллерво в битве,
был сражен тот сын Калервы
на равнине смерти мужей,
на огромном поле брани.

6

Всхлипывая плакал Репо,
наклонившись перед камнем
между двух больших поселков,
около трех городишек.

Прибегал проведать Янис:
„Что ты плачешь, бедный Репо?“¹

„А о том я плачу, Янис,
что погиб мой род великий,
и отец, и мать скончались,
братьев пять моих погибло,
дочерей же шесть скончалось,
семь детей родного дяди.
В край немецкий их угнали

Янис и Репо—финские фамилии, нарицательное значение которых: „заяц“ и „лиса“.

господам всем на утеху
и купцам на услуженье.

Отвечал на это Янис:

„Ты не плачь-ка, бедный Репо,
заходи ко мне под крышу!
У меня жилье просторно,
на полях межи широки,
у корней сосны жилище,
горница у пня большого!“

ИВАН КАЛЕВА И ЦАРЬ ИВАН

1

Вот пришли враги в деревню,
Тарналайнена¹ убили,
Лемминкяйнена сгубили;
лишь остался сын Калева
в чреве матери несчастной...

Вскоре вырос тот Калева.
Очень рассердился Унто,
что растет тот сын Калева.

А Иван, Калева мальчик,
сам Иван, герой Калева,
подсеку рубил для рода.
Бурого взял жеребенка,
им вспахал борозд десяток,
уродилась сотня копен.

И тогда король заморский
воспретил пахать Калева;
очень зол король заморский,
что растет Калева парень.

2

Дочь одна — девица Анни
в лес за вениками вышла,

¹ Тарналайнен — имя, редко встречающееся в карело-финских рунах.

² Иван Калева — смежное появление этих имен в карело-финских рунах можно рассматривать как веху при переходе карел на русские имена.

в березняк зашла, — в кустарник;
вот отцу связала веник,
да и матери связала.

Третий веник вяжет Анни
брату своему Ивану,
брату старшему готовит.

Осмо¹ так ей отвечает,
с подсеки Калева молвит:

„Для меня расти, девица,
для других ты не старайся
одеваться так красиво,
вырастать в одеждах русских;
вырастай без корки хлеба,
вырастай без каравая!“

3

Вместе шли вдвоем сестрицы
веники мочить на берег;
шведы-братья, проезжая,
их насильно увозили,
привезли к себе домой их.

К бедняку одна попалась,
а другая — к богатею.

У одной Иван родился,
у другой родилась Васса.

Навестить их брат приходит, —
на чердак его отводят,
слушает их брат оттуда.

Сестры так ему пропели:

„Ах, ты, братец, милый братец,
приходи-ка навещать нас
лишь тогда, когда возьмутся
в шведских ригачах работать,
молотить зерно здесь шведы,
в шведских банях умываясь!“

„О, сестрица дорогая,
матери родной дочурка,
ты узнала ли у брата
живы ли косцы все, братья?“

„Все там живы и здоровы,
только травка перезрела.“

„Ты узнала ли у брата,
живы ли сестрицы-пряжи?“

„Все там живы и здоровы,
только сок ушел весь в землю!“

„Ах, сестрица дорогая,
матери родной дочурка,
можешь ты бежать отсюда.
Нет тебе большой заботы,
раз твоя дочурка Васса
молоко попьет из кружки,
раз за нею бабка смотрит
и отец богатый любит.
У меня же, у беднячки,
плакать будет сын Иван мой,
некому за ним смотреть здесь,
пьет холодную он воду
и грызет сухую корку“...

„О ты, братец мой любимый,
ты возьми меня отсюда,
ведь уже здесь начинают
в шведских ригачах работать:
шведский хлеб в них молотится,
бани шведские дымятся“.

„Ах, сестрица дорогая,
матери родной дочурка,
вот ты убежишь отсюда, —
и тогда меня замучат,
в шведскую тюрьму посадят“.

4

Наш Иван, большой хозяин,
снарядил мужей с мечами;
с ружьями все те герои,
в шубах тысяча удалых,
с саблями мужчин всех сотня.

Едучи, попал Иван-царь¹
ночью в город через стены;
в городе просил он пива:

„Есть ли в городе мне пиво,
русскому царю — напиться,

¹ Иван-царь — имеется в виду московский царь Иван Грозный.

¹ Осмо — в данном случае параллельное имя Калевы.

к ужину царю Ивану
и его героям — квасу?»

Отвечали так Ивану:

„Бочку кони наполняют
к ужину царю Ивану,
русскому готовят пиво!..“

Тут Иван-царь рассердился,
брови черные насупил,
стал стрелять он из пищалей,
из ружей стрелять он начал.
В городе стреха трещала,
у попа столбы скосились.
Из пищалей там стреляли,
с плеч же головы катились.

Карл¹ склонился на колени:

„Ах, мой братец, русский братец,
не губи меня, светлейший,
дай-ка мне попить водицы!“

И Иван, большой хозяин,
Карлу-королю ответил:

„Под ладьей воды есть вдоволь,
под челном ты можешь выпить“.

Карл же отвечал Ивану:

„С кровью смешана вода здесь,
шведской крови в ней — избыток“.

Карл-король при том прибавил:

„Побежден¹ я в этот вечер,
я сижу здесь, в русской лодке,
на скамеечке карельской!“

5

Царь Иван был наш хозяин,
царь Иван наш знаменитый,
усадил девиц в ладейку,
женихов сажал он в лодку.

Едет, подплывает смело,
сидя в золоченой лодке,
сидя за рулем за медным,
под большой гребет он остров.

¹ Карл — король шведский; появление этого имени рядом с именем Ивана Грозного говорит о процессе стирания исторической перспективы.

Грозно он стучит там в двери,
говорит, стреху задевши:

„Есть ли здесь на островочке
место, чтоб ладью поставить,
лодку вытянуть на сушу?“

Женщины там отвечают:

„Место есть на островочке,
можно там ладью поставить,
лодку вытянуть на сушу“.

Царь Иван, тот наш хозяин,
царь Иван наш знаменитый,
все стучался грозно в двери,
задевал стреху на крыше.

6

Был Иван, прекрасный парень,
худощавый Лаппалайнен,
и румяный и красивый;
слыл охотником хорошим.
В лес играть он отправлялся,
шел в ольшанник с лбом широким,
на лужок в рубахе тонкой.
Он звенит — гудит в лесочке,
по борам бредет широким.

В это время Вейнемейнен
едет, лошадь понукая,
по морям, по полым водам.

Белка прыгает по веткам,
лошадью по веткам скачет,¹
так, что сухо на копытах,
сухожилия не мокнут,
а с гужей лишь жир стекает,
капает свинец с супони.

И Иван, тот Лаппалайнен,
взвел курок у самопала
и такое слово молвил:

„Я — охотник, в лес собрался,
обошел леса глухие,
а собаки вслед бежали. . .
Эй ты, белочка лесная,

¹ Мотив превращения белки в лошадь появляется в ряде карело-финских рун.

беленький лесной жеребчик,
растянись-ка ты на сучьях
и раскинись-ка на листьях.
Позови собаку лаять,
молодец стрелять приходит...

И сраженный Вейнемейнен
падал с той лошадки в море.
Шесть годин носился в море,
семь лет плавал он по волнам.

КУЗНЕЦ ИЛМАРИНЕН И ЦАРЬ ПЕТР

1

Петр царем был знаменитым,
сыном Карьялы красивым.¹
Снаряжает свое войско,
точно чирок собирает —
корабли готовит в доках,
а в других готовит лодки.

Сам он на корму уселся
перед золоченым носом,
за рулем уселся медным...

Карл-король² собрался в город,
через море он пробрался,
в синие чулки обутый;
к городу он подплывает.
День и два плывет по морю,
а на третий день он видит, —
город Питер замечает.

Далеко король тот шведский
со своей кровавой лапой,
в синие чулки обутый, —
через порт Петровский виден...

¹ О Петре Первом у карел сохранилось воспоминание как о своем царе.

² Шведский король Карл XII в 1703 г. совершил неудачный поход под Петербург и Кронштадт, окончившийся поражением шведского флота.

Войско сильное Петрово,
знатные царь-мужчины
с „хлебом“ короля встречают:
ядрами грудь раздирают.

Паруса у Карла пали,
мачты все переломились.

И тогда-то Карл промолвил:

„Русский царь, мой братец милый,
дай-ка мне испить водицы“.

Петр же отвечает Карлу:

„Под ладьей вода в избытке,
можешь выпить, сколько хочешь,
коль вода не пахнет кровью...
Знал ты, подлый, подпльвая, —
без пальбы мы вас не встретим
и накормим вас отлично,
сами разжужем вам пищу,
сами заготовим завтрак!“

2

Петр, наш царь, был знаменитым,
ехал на реку — к Олонцу
и у Сермаксы стоял он.¹
По церквам он слал указы,
всем попам он шлет бумаги:

„Есть ли в городе здесь мясо,
можно ли достать нам рыбы,
есть ли про запас здесь масло,
коли гость сюда приедет?“

Хитрый Выборга хозяин —
Матти Лаври так промолвил:
„Впрошлый год здесь лошадь

пала,
околел здесь конь наш белый, —
для гостей с них будет мяса!“

Петр, наш кесарь знаменитый,
гневом сердце наполняет,
кривит рот от злобы сильной.
Выборжанину он молвит:
„Без твоих людей трусливых

у меня здесь хватит войска,
без твоей поганой соли
у меня есть соли вдоволь“.

И потом на весь тот Выборг
наложил печать большую.

3

В Питере был Петр Великий,
так хитер был, что собрался
на разведку в крепость Выборг...

К кузнецу царь Петр приходит.
Выборгский кузнец промолвил:

„Ты меня ковать возьми-ка,
я — силен, ковать умею!“

С кузнецом царь Петр Великий
день и два кует прилежно
и уж третий день кует он.
Так у кузнеца разведал
все дороги и подходы,
что ведут на крепость Выборг,
на большой двор цитадели.

Кузнеца позвал с собою,
молодцев московских вызвал,
новгородцев белокурых.
Оседлал коней он сотню,
тысячу мужей с мечами
летней ночью собирает.

Так до Выборга добрался;
стены крепости он сдвинул,
с крыш летели лишь обломки.

4

Сам кователь Илмаринен.
на войну собрался ехать,
тридцать лет он собирался;
меч себе готовит острый
в кузнице, где нет и окон.

Меч на крепость он проверил,
между двух скал меч засунул,
у пяти гор меч проверил.

И тогда кольцо златое
с пальца кузнеца упало,
между двух скал утерялось.

¹ Олонец и Сермакса — населенные пункты южной Карелии.

Облако меж скал он видит —
облако из водных капель.
Видит: Антти сел за весла,
Петр же на корме уселся...

Расчесать собрались лося
и отмыть оленя взялись,
гриву лосю расчесали
и оленя там отмыли.

6

Петр царем был знаменитым,
знатым молодцем московским,
корабли спускает в море.
Сколько на горушке сосен,
столько мачт в Петровском флоте.

С хитростью проянк он в Выборг
и на Финский полуостров.

„Можно ли достать здесь мясо,
коли гость сюда приедет,
что приехать обещает?
Каковы запасы масла,
есть ли в городе нам рыба?“

Молвил Выборга хозяин:

„В прошлый год здесь лошадь
пала,

околед и конь наш белый
у мосточка Сиконьэми!“

Петр, наш царь тот знаменитый,
кривит рот от злобы черной,
очень сердится на шведа.
День стреляет с недолетом,
на второй день с перелетом.
И тогда он слово молвит:

„Эй, кузнец ты, Илмаринен,
скуй трехгранное копье мне,
с медной рукояткой сделай;
брось копье об пестрый камень!“

Пика, отскочив от камня,
в море синем утонула,
то копье в лучине скрылось.

„Эй, кузнец ты, Илмаринен,
шестигранное копье мне
с медной рукояткой сделай!“

В небесах копье то скрылось
и не выпало обратно.

Молвил Петр, наш царь
известный,

славный молодец московский:

„Многогранное копье мне
с медной рукояткой сделай!“

То копье он в камень бросил,
камень отлетел за море...

Свейский барин Якко Пунтус¹
корабли спускает в море.

День стреляет с недолетом,
а второй день с перелетом.

Петр же прямо в цель стреляет,
и стреха слетает с крыши
у хозяйна из замка.

Тот ключи царю подносит
на серебряной тарелке:

„Золота берите вдоволь!“

Петр же шведу отвечает:

„Мне не надо злата шведов!“

¹ Якко Пунтус — известный шведский полководец.

ЦАРЬ ПАВЕЛ, БОНАПАРТ, КУЗНЕЦ И КУЛЛЕРВО

1

Знатная хозяйка замка,
став царицей Катериной,
взяла Нарву, точно на смех,
в Иван-город ворвалась,
крицепив мечи к деревьям,
щлемы нацепив на вереск...

Посмотрела из окошка:

„Облако ли там, иль туча?“

„То — ни облако, ни туча:
Бонапарт идет войною!“¹

Убивал тот неразумных,
резал он молодых и взрослых.
Лишь один сынок остался,
в колыбели он качался,
в люльке лепетал малютка.

„Чем же погубить ребенка? ..
Из него растет погибель,
отомстит дитя за зверства!“

Пастухом мальчишку ставят
бегать за огромным стадом.

Лена, кузнеца хозяйка,
пастуху спекла коврижку,

камень запекла в тот хлебц,
тестом снизу лишь обмазав,
сверху же мукой обсыпав.

2

Пастушок, сынок бурлацкий,
сиротинушка в лохмотьях
сделал из коровьей кости
для себя рожок прекрасный.
На войну рожок взывает,
на сраженье с Танну Маррти,
в бой великий с Бонапартом.

3

Вспыльчивым царем был Павел,
всюду спешно слал указы,
рассылал везде бумаги.
Лишний раз писал в Липери,
в Сортавалу шлет указы,
чтобы там парней забрили...

Так сын Калервы Куллерво
на войну пошел играя:
„Эх, прощайте все девицы,
все красавицы Карьялы!
Ты не плачь-ка, мать родная,
в Швеции я сытым буду,
русские дадут мне пищу!“

На болоте он играет,
бор навстречу попадает,
вслед за ним приходят вести:
„При смерти отец твой дома!“

Куллерво же отвечает:

„Что ж поделать, смерть не шутка,
но найду отца другого
на войне великой шведской,
я найду в одеждах русских“.

4

Умерла у нас царица
Катерина королева.
Императором стал Павел
на печаль сынам Суоми.
Грамоты он посылает,
письма шлет он в Куркийоки,

¹ Появление имен живших в разное время царицы Екатерины Наполеона Бонапарта объясняется процессом стирания исторической перспективы.

в Париккала шлет посланье,
в Яккима известье выслал.¹

На печаль сынам Суоми
холостых забрил сначала
и за бурлаков он взялся,
а затем забрал женатых.
Мерин лишь один остался
и на нем приехал турок,
Бонапарт, француз бедовый.

5

В городах стояли стоны,
жалобы пошли по странам,
слышен плач с войны печальный.
Жаль быть на войне убитым,
где герой жестокий с войском,
Бонапарт сам с лютой ратью,
церкви превратил в конюшни,
все топтал в бою ногами.

Затоптать собрался финнов,
с пруссами он всех ограбил,
растоптал все у поляков,
разорил он всех голландцев,
женщин истязал, позорил,
сжег Москву, оставив пепел.

6

Бонапарт был войск начальник,
там он — на войне ужасной,
немцев взяв с собой в подмогу,
сжег деревни у поляков,
разорял он всех голландцев,
убивал мечом мужчин он,
у героев кровь он пролил.
Стариков в постели резал,
плачущих детей малюток —
в колыбели и пеленках.

Женщин также он позорил,
всех служанок он испортил,
зверствами привел всех в ужас.
Но не видел в этом счастья;
крови жаждал, крови выпил,

¹ Куркийоки, Париккала, Яккима — селения в западной Карелии.

кровью силы накоплял он...
С севера он отступает
и на юг идет обратно.
Если бы еще немного
наступал бы он на север,
то дохой нашел бы скоро
на кровавой на постели,
в части страшной, грозной смерти,
гибелью бесславной кончив.
Требовали ему смерти
старики и пожилые
ради счастья наших детей,
приходя к огням воинам,
смело в жаркий бой вступая.

Рода одного все парни,
сыновья отцов, мужчины,
слышат вестя из столицы —
зову царскому внимают:
„Вы войдите, земледельцы,
помните вы, все мужчины,
что кровь хребтам, как и прежде,
в финских жилах протекает.
Вы опасностей не бойтесь
и за жизнь вы не пугайтесь,
на плечо ружья возьмите,
к поясу свой меч привяжите!“
Так зажглись сердца отважных,
наши предки укрепились,
но земле прощали, российской,
по другим богатым землям,
чтоб Россия победила,
в финский край вернув отважных.

7

Обнаглед и стал жестоким,
возгордился очень сильно.
Бонапарт, начальник войска,
император тот французский.
Был он счастлив и всецелен —
стран всех победитель гордый,
для начальников был страшен.
Он пошел войной великой,
он поднял метель большую.

Ружья и мечи сверкали,
пушки сильно грохотали.
Смерть в Москву уж прибывала,
падали солдаты, кони...
А в Кремле пожар уж вспыхнул,
был в огне дворец Кремлевский,
дым поднялся над Москвою,
и сгорел прекрасный город,
этот Кремль старинный царский...

Но тот враг коварный все же
изгнан был с земель российских.

Бонапарт пустился в бегство
от мороза — муж голодный.

8

Закричал помещик Вепер,¹
дворянин тот разругался.
Поспешил он в город Выборг
к губернатору с поклоном:
„Вышли мне солдат команду,
я веду войну в Суоми!“

Дворянин тот разругался,
говорил помещик Вепер:
„Жалуются все дворяне; —
нет рабов у нас в поместьях!
Надо нанимать служанок,
кто теперь нам пряхой будет,
если нет рабов в поместьях!“

Привязал к свинье свинарку
и свиней пасти заставил,
всех гусей забрал в поместье,
всех свиней забрал в усадьбу,
взял он от крестьян долгами.

И еще тот Вепер молвил:
„Надо всех теперь заставить
подписать контракт на землю!“

9

Встарь, при королевской власти,
произвол господ был в тягость.

¹ Вепер или Пипер снискал известность как притеснитель крестьян восточной Финляндии в конце XVIII века.

В пекле огненном жил барин,
В бесовском он жил поместье,
на плохой он жил усадьбе.
Был из Хельсинки тот барин,
господин с земель бесовских,
он привез часы с собою,
медные часы завел он.

Кто не шел работать к часу,
кто лишь не успел к уроку, —
батогами тот растерзан,
розгами того там били.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Условные обозначения:

- А — Архив Института истории, языка и литературы карело-финской базы Академии Наук СССР.
Б — Suomen kansan vanhat runot, Helsinki, 1904—1940 гг., тома I—XIII (после указания тома следует номер варианта руны).
В — Kalevalan toisinnot, I, Helsinki, 1888.
Г — K. Krohn. Kalevalan runojen historia, Helsinki, 1903.

* *
*

- В борьбе за старое Сампо: 1—Б, I, 72; 2—Б, I, 99; 3—Б, I, 93.
Война за новое Сампо: 1—Б, I, 58.
Изготовление кантеле: 1—В, 58; 2—Б, XIII, 329; 3—Б, VII, 561.
Состязание в пении: 1—А; 2—Б, I, 1009.
Военные походы Вейнемейнена: 1—Б, I, 624; 2—Б, V, 1, 1382; 3—Б, стр. 117; 4—В, 324; 5—Б, XIII, 1350; 6—Б, V, 3, 212; 7—Б, VII, 1245; 8—Б, VII, 698-а; 9—Б, IX, 2, I.
Немец Ганс и Маркетта: 1—Б, VII, 736; 2—Б, V, 3, 100; 3—Б, VII, 735;
Лемминкяйнен, немец Ганс и Хуртта: 1—Б, II, 219; 2—Б, VII, 787; 3—Б, VII, 892; 4—Б, II, 223; 5—Б, I, 730; 6—Б, I, 738; 7—Б, I, 51.
Немец Ганс, Елена и Кайос: 1—Б, VII, 1289; 2—Б, VII, 914; 3—Б, XIII, 2329.

Куллерво на войне: 1—Б, III, 707; 2—Б, I, 997; 3—Б, III, 2734

Куллерво и кощичь: 1—Б, III, 1801; 2—Б, VII, 1178

Походы Куллерво под замок: 1—Б, III, 3374; 2—Б, XIII, 254; 3—Б, V, 1, 434; 4—Б, III, 1586.

Кузнец Илмаринен и Куллерво: 1—Г, стр. 307; 2—Б, I, 980; 3—Б, I, 982; 4—Б, III, 1205; 5—Б, XII, 664-а; 6—Б, VII, 343.

Иван Кайос и царь Иван: 1—Г, стр. 671; 2—Б, I, 287; 3—А, 4—А, 5—Б, I, 1049; 6—А.

Кузнец Илмаринен и царь Петр: 1—Б, I, 1073; 2—А; 3—Б, II, 288; 4—Б, VII, 1347; 5—Б, II, 281.

Царь Павел, Бейнатур, кузнец и Куллерво: 1—Б, IV, 1993; 2—Б, IV, 1384; 3—Б, VII, 2818; 4—Б, XIII, 1182; 5—Б, V, 3, 1237; 6—Б, XIII, 1499; 7—Б, XIII, 1500; 8—Б, XIII, 8130; 9—Б, III, 1563; 10—А.

Публикуемые в сборнике песни записаны, начиная с 1778 года и кончая 1945 годом: Портаном, Ленротом, Евролеусом, Саксбеком Алквистом, Борениусом, Генецем, Евсеевым, Пергамент, Фожкиным и Гран.

Записи публикуемых песен производились:

1. По району Калевалы Карело-Финской ССР в деревнях: Алаярви, Бабя Губа, Войницы, Вокнаволок, Каменное озеро, Куйвозеро, Ладвозеро, Ленка, Луомайрви, Минозеро, Толлонйоки Ухта, Чена.
2. По Ругозерскому району К-ФССР в селе Кимасозеро.
3. По Рабольскому району К-ФССР в деревнях: Емельяновская, Сааренпя.
4. По Патровскому району К-ФССР в деревнях: Лубасалма, Вохтозеро и Сялчезеро.
5. По Пряжинскому району К-ФССР в деревнях: Вешкелицы и Угмейла.
6. По Ведлозерскому району К-ФССР в деревнях: Акимисте и Савинова.
7. По Олонецкому району К-ФССР в селе Видлицы.
8. По Суоярвскому району К-ФССР в деревне Корписельга.
9. По Сертавальскому району К-ФССР в деревнях: Суйстамо и Лоймала.

10. По Куркийокскому району К-ФССР в селе Куркийоки.

11. По разным районам Ленинградской области в селениях: Вуоле, Лембалово, Медусси, Нарвуси, Пюхярви, Ряпува, Саккола, Сейккола, Яккима.

12. По разным местностям в Финляндии: в Ассиккала, Иломантси-Косялахти, Лаппилахти, Мегриярви, Тайпале и Хирвенсалми.

Из наиболее крупных сказителей, певцов рун в сборнике представлены:

1. По Карело-Финской ССР — из района Калевалы: А. Пертунен — VII, 8; С. Трохкимайнен — VII, 8; И. Малниен — IX, 1; из Ругозерского района: К. Ананина — IV, 1.

2. По восточной Финляндии: С. Сыссаен — XII, 1; Ю. Кайнолайнен — V, 1.

3. По Ленинградской области: Ларин Параске — V, 6; VI, 2; XV, 5.

Содержание

Предисловие.....	3
В борьбе за старое Сампо.....	7
Война за новое Сампо.....	11
Изготовление кантеле.....	18
Состязание в пении.....	22
Военные походы Войнемейнена.....	26
Немец Ганс и Маркетта.....	32
Лемминкяйнен, немец Ганс и Хуртта.....	35
Немец Ганс, Елена и Кайса.....	42
Куллерво на войне.....	47
Куллерво и немцы.....	51
Походы Куллерво под замок.....	53
Кузнец Илмаринен и Куллерво.....	57
Иван Калева и царь Иван.....	67
Кузнец Илмаринен и царь Петр.....	73
Царь Павел, Бонапарт, кузнец и Куллерво.....	78
Указатель источников.....	84

Редактор Д. Павловский

Подписано к печати 11 июля 1946 г.
5,5 печати. листа 5,2
листа: Тираж 10000 Госиздат РСФСР
№ 82. Е-05618. Заказ № 403. Форма
бумаги 84x108^{7/32}. Цена 1 руб.

Сортавальская книжная типография
Управления полиграфического делопроизводства
и издательства при Совете
Министров К-ФССР, г. Сортавала,
Карельская ул. д. № 34.